

**I. P. SKVORTSOV. SOLIDARITY AS THE PROSPECT OF RUSSIAN SOCIAL CULTURE'S DEVELOPMENT**

*In the article the prospects of sociality of Russian society are considered in conjunction with the implementation of solidaristic type of social culture.*

**Key words:** social culture, socio-cultural factors, solidarity, identity.

Д. О. УСТРИЖИЦКАЯ

## **О МОДЕРНИЗАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

*Исследуются типологические характеристики современного российского общества и его модернизационные предпосылки и возможности. В качестве двигателя прогрессивных преобразований рассматриваются субкультуры информационного общества.*

**Ключевые слова:** общество, типология обществ, современное российское общество, модернизация.

1990-е годы стали началом современных реформ [1], в результате которых в России сформировался новый социум [2]. Какова его сущность и в чем его модернизационный тренд?

С точки зрения теории общественно-экономических формаций отечественное общество находится в крайне оригинальной ситуации – переход от государственного социализма к капитализму. Такой реставрационный переход в реальной практике социально-исторического развития не только не осуществлялся, но и даже не прогнозировался. Следовательно, теория общественно-экономических формаций в том виде как она разрабатывалась до этого, должна быть критически переработана. Слабыми местами этой теории является недостаточный учет многообразия видов собственности, стремление редуцировать их. Другим слабым местом можно обозначить недоучет исторической конкуренции общественно-экономических формаций и возможности социально-исторического синтеза элементов разных формаций в одном социуме.

В результате социально-экономической и политической деконструкции СССР произошел переход к обществу, экономической и политической доминантой которого является государственный и олигархический капитализм, современный отечественный капитализм, являющийся реставрационным и ориентированным на сырьевую ренту. В предшествующей теории общественно-экономических формаций недостаточно учитывалось, что любое государство и страна не существует в рамках только одной формации, а развивается неравномерно.

С точки зрения стадияльной теории цивилизаций можно констатировать наличие индустриального общества с сырьевой экономикой. Поскольку это общество смешанное, то в нем есть отдельные вкрапления как «продвинутой» (постиндустриальное общество), так и архаики.

Если с точки зрения стадияльной теории цивилизаций прогноз может быть оптимистическим: речь идет о переходе к «информационному»,

«постиндустриальному» обществу, то с точки зрения циклической теории цивилизаций прогноз может выглядеть пессимистически. Например, можно допускать, что тот тип цивилизации и тот антропологический облик индивида, который населяет геополитическое пространство «Россия» исчерпал себя. В этом случае установившийся культурно-исторический тип идет к закату, а на освобождающемся географическом пространстве появится новый «кочевник», переселившийся сюда в ходе мирной миграции или в результате глобальной войны за передел пространства. Этот сценарий вполне укладывается в существующие теории глобализации. «Западный проект» отводит России преимущественную роль поставщика сырья. Однако в нашей стране существуют «зоны» индустриальной и модернизационной «продвинутой», которые позволяют надеяться на лучшее. Более того, позитивный сценарий может быть реализован в рамках современной доминанты: «XXI век – век восхождения Азии!» [3].

Политической идеологией и идеологией проводившихся на первом этапе отечественных экономических реформ стал либерализм. Поскольку реформе подвергалась экономика государственного социализма, то основной пафос либеральных реформ был направлен на реализацию идеи приватизации государственной собственности. Идеальной основой такой политической линии в 1970-е и 1980-е годы служили теоретические взгляды неоклассиков и неоавстрийцев. Главными знаковыми фигурами стали «официально» мировым сообществом манифестированные идеи Ф. А. фон Хайека, Дж. Бьюкенена и Р. Э. Лукаса о вреде «активного государства» [4].

Фон Хайек провозгласил главной философской идеей своего проекта спонтанность социальных и экономических явлений. Государство объявляется главным «врагом» социальной спонтанности, искажает относительные цены, структуру размещения ресурсов, дезориентирует агентов. Идеальным отражением технологических возможностей

и потребительских предпочтений провозглашается конкуренция и свободное ценообразование. Основным аргументом Бьюкенена является то, что всякое государственное вмешательство реализует решения определенных чиновников, воздействия лоббирующих групп, что сводит к нулю его рациональность в экономике. Р. Лукас также подверг критике всякое вмешательство государства в экономику, так как такие действия предвидятся агентами, чьи ожидания формируются рационально. Эти догмы законодателей моды мировой экономической мысли и их примитивное воплощение в практику российской экономики стали причиной политического волюнтаризма. Ведь волюнтаризм может проявляться не только в форме огосударствления, но и в форме разгосударствления (в данном случае как большевизм наоборот). Шокотерапевтическая политика правительства Е. Гайдара была также ангажирована зарубежными советниками и экспертами относительно стратегий трансформации плановых хозяйств в рыночные системы в 1980–90-е годы.

В настоящее время современные критики политической экономии, социальные философы, политологии, посткейнсианские теории экономики вновь придают существенную роль государству в деле рационализации экономики. Теоретическая критика либерализма с точки зрения посткейнсианства [5] приводит к определенным обобщениям, имеющим не только экономическое, но и социально-философское значение. Существенным является то, что типологические характеристики современной экономической системы России обусловлены наследием и ролью государства. Основные институциональные характеристики современного отечественного капитализма – очень неэффективная государственная защита прав собственности и контрактов, высокие «официально-административные» и «неофициально-криминальные» ограничения доступа к различным видам экономической деятельности, а также низкая степень исполняемости законов и высокая степень их нестабильности. Среди стратегических недостатков такой системы можно назвать низкую склонность к долгосрочным инвестициям и инновациям, технологический застой, отсутствие экономического роста. Основным выход видится на пути трансформации государственно-олигархического, криминально-бюрократического капитализма в рационально рыночный капитализм. Эффективность государства в этом случае заключается в создании соответствующей институциональной среды. Основные качества этой среды – создание равных возможностей для всех экономических агентов, справедливая судебная защита интересов и контрактов, отсутствие лазеек для неуплаты налогов.

Таким образом, с точки зрения теоретической, роль государства в экономике не является однозначно отрицательной или однозначно положительной. Все определяется конкретными условиями и конкретными функциями государства. В случае современной России роль государства

в экономике обусловлена рядом обстоятельств: Россия имеет обширные пространства с разреженной инфраструктурой; государство играет главную роль в предотвращении дестабилизации при кризисе; меры мобилизационного типа наиболее податливы в рамках политической воли государства; геополитическое положение и статус России невозможно поддерживать в условиях глобальной конкуренции за природные и сырьевые ресурсы без сильного государства.

В конце 1980-х годов Россия вступила в очередной этап своей модернизации, приведшей к широкомасштабной социальной трансформации, глубина которой имела характер цивилизационного «сдвига». Современный этап модернизации в России, как считают некоторые исследователи [6], позволяет поменять модель экономического развития и прекратить практически бесплатное кредитование западных стран, а начать вкладывать государственные средства в реальные активы, обеспечив отток спекулятивного капитала из России и заместив иностранные займы российских госкомпаний бюджетными кредитами. Это позволит без усиления инфляции инвестировать средства Фонда национального благосостояния в развитие российской индустрии. Можно вкладывать нефтяные доходы внутри страны, не провоцируя, а замедляя инфляцию. Для этого их надо помещать в высокотехнологичные отрасли; в создание компаний на высокомонополизированных рынках; в расширение «узких мест», порождающих структурную инфляцию; в отрасли, в которых улучшатся конкурентные преимущества в случае падения цен на нефть.

Один из выходов – «диверсификационная» модель развития российской экономики, возможности которой с учетом международной конкуренции очень ограничены. В высокотехнологичных отраслях мировой экономики доминируют ТНК, в трудоемких же отраслях с традиционной технологией Россия не может конкурировать с Китаем и Индией, имеющими огромные ресурсы дешевой рабочей силы. Кроме того, в этих и в «новых индустриальных» странах десятилетиями проводилась политика «догоняющего развития» с применением мер господдержки экспорта торгуемых продуктов. Япония и Южная Корея уже создали высокотехнологичную экономику. Начинают вторгаться в высокотехнологичные отрасли и китайские компании, пользующиеся мощной поддержкой государства. Поэтому возможности модели «догоняющего развития» очень ограничены.

С. Хантингтон указывает несколько моделей модернизации: вестернизация без модернизации (по такому пути пошли Египет и Филиппины); модернизация без вестернизации (новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии модернизировались, не меняя своей идентичности); догоняющее развитие, при котором пропорции модернизации и вестернизации примерно одинаковы (Россия, Турция, Мексика и др.) [7].

И хотя догоняющее развитие беспощадно раскритиковано, но иного пути, чем постепенная модернизация трудно придумать. Финансовой «подушкой безопасности» в этом случае остается экспорт энергоносителей, так как Запад не заинтересован плодить себе конкурентов. Поэтому он будет развивать сотрудничество лишь в выгодных для себя сферах. В то же время на данный момент развитие производительных сил РФ, а значит, и проведение инновационно-модернизационных реформ, невозможно с опорой только на собственные силы. Задача часто заключается лишь в том, чтобы заимствовать нечто за рубежом, но сделать это лучше. Примером может служить экономический феномен Японии. России предстоит быть готовой к реализации в таком партнерстве собственных целей и иметь на руках достаточные козыри, в том числе политические.

Наконец, есть прорывные отрасли, в которых отечественный производитель может занимать первые позиции. Но, представляется, что без солидной государственной поддержки это не получится.

Итак, современный российский модернизационный проект определяется предпосылками самой российской истории, положением в системе глобального сообщества и разделения труда, задачами тренда, который она стремится реализовать. Российский модернизационный проект несет в себе сочетание следующих моделей: «сырьевая» модель как базовая; «высокотехнологичная» модель как сопутствующая и модернизационная; «цивилизационная» модель как переход к новому культурно-цивилизационному проекту – «обществу знания» [8]. Реализация суммирующей составляющей зависит от соотношения внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов и соотношения указанных моделей в практике политического и социального управления.

Современное российское общество является в высокой степени стратифицированным [9], существует большой разрыв в доходах верхних и нижних слоев при наличии сравнительно малочисленного среднего класса. Главная задача видится в том, чтобы перевести сложившуюся устойчивость в динамичное состояние, связанное с модернизационными процессами, положительной экономической динамикой и развитием условий для самореализации граждан, как в структурах гражданского общества, так и в структурах профессионально-трудовой деятельности. Историческая инициатива принадлежит модернизационному тренду, субкультуре интеллектуалов и деятелей информационной цивилизации. Новая,

более подвижная, более синергетичная социальная среда существует глобально в сетевой форме и является носителем новой рациональности, взламывающей традиционные структуры и создающей видимость социального кризиса и хаоса. Надо понимать, что решение большинства проблем возможно как попутная задача на пути модернизации и трансформации существующего российского общества в «общество знания». В качестве двигателя прогрессивных преобразований можно рассматривать субкультуру сетевого типа, соответствующую тенденциям и запросам информационного общества.

## Литература

1. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М., 2011. С. 7.
2. Горшков М. К. Российское общество как новая социальная реальность. Вместо предисловия // Россия реформирующаяся. Вып. 6. М., 2007. С. 3–11; Андреев Э. М. Новая социальная реальность: методологические проблемы интегрального социально-философского и социологического анализа // Общество и право. № 5 (27). 2009. С. 21.
3. The Rise of the Asian Century. Asian association of Christian philosophers. Annual conference 2013. Ateneo de Manila University. Philippines, 2013.
4. Розмаинский И. В. «Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике // ВЭ. 2006. № 9. С. 71–82.
5. Розмаинский И. В. Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России на рубеже тысячелетий: институционально-посткейнсианский подход // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. № 1. С. 59–71; Он же. Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход // ВЭ. 2009. № 6. С. 48–59.
6. Фетисов Г. Г. Будущее российской экономики: экспорт сырья, диверсификация или высокие технологии? URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36256>
7. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y., 1996. P. 75.
8. Экономика знаний и инновации: перспективы России. М., 2007.
9. Арутюнян Ю. В. О социальной структуре общества постсоветской России. URL: <http://soc.lib.ru>; Литвинов В. А. Социальная стратификация и уровень жизни в современной России // Россия и современный мир. 2008. № 2 (59). С. 176–180.

## D. O. USTRIZJITSKAJA. ON THE MODERNIZATION POTENTIAL OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

*Examines the typological characteristics of modern Russian society and its modernization in the conditions and opportunities. As the engine of progressive transformations are considered subculture of the information society.*

**Key words:** society, typology of societies, modern Russian society modernization